

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 8-9

АВГУСТ - СЕНТЯБРЬ 1934

№ 8-9

СОДЕРЖАНИЕ:

Сумерки Лиги Наций.

Гайдар Баммат. — Польское общественное мнение и Кавказская эмиграция.

Шалва Амирэджиби. — Августовское восстание Грузии.

Джейхун. — Азербайджан на Съезде Советских писателей.

Спиридон Кедия. — Объединение Интернационалов.

В. Олешин. — О безумии империализма.

Михаил Мухелишвили. — По поводу Пакта Кавказской Конфедерации.

От Заместителя Председателя Делегации Сев. Кавказа.

Обзор печати.

Письмо в Редакцию.

Дж. Г. — Несколько слов "Истиклалцам".

Хроника.

Библиография:

Шалва Беридзе. — Шамиль во французской литературе.

Б. В. — "Кавказская проблема" Д. Вачнадзе.

Сумерки Лиги Наций

Давно "облетели цветы"...

Давно уже чистый энтузиазм, зажженный в сердцах усталого человечества великодуш- ной идеей Президента Вильсона успел повсе- местно смениться чувством бессильной боли и глубокого разочарования.

Дух Вильсона, достаточно уже потрепан- ный контактом с Европой, никогда впрочем и не витал над его Женевским детищем.

Задуманное как универсальное объедине- ние равноправных наций, имевшее задачей утверждение в мире возвышенных идей мира

и справедливости, высокое, как принято вы- ражаться, Женевское учреждение с первых же дней своего существования выродилось в Лигу победивших в Великой войне государств, поставивших себе целью защиту созданно- го послевоенными договорами порядка вещей в Европе.

Вне этого конкретного задания ни одна из попыток Лиги урегулировать конфликты, в которых были замешаны интересы великих держав, никакого положительного результата не дала.

Все более или менее серьезные ее выступления на всех континентах — и в Европе и в Азии и в Америке — неизбежно кончались полнейшим фиаско.

Так теряя с каждым годом, с каждой сессией в своем международном значении и моральном авторитете она докатилась до того, что была вынуждена комбинировать, хитрить и изворачиваться, чтобы в обход собственной конституционной хартии и правил регулирующих вступление новых членов, открыть двери Советской России.

Ни для кого не секрет, что вся та глубоко удручающая и унижительная игра, которая эти дни велась в Женеве патронирующими СССР державами сводилась к тому чтобы обойти 1-ю статью Пакта Лиги, требующей от вновь вступающих членов “действительных гарантий искренности их намерений соблюдать свои международные обязательства” и освободить Москву от моральной и материальной ответственности за удушение в огне и в крови элементарных прав поработанных ею национальностей, отказом от требования у ней гарантий предусмотренных договорами об охране национальных меньшинств...

Игра не прошла так гладко, как этого хотелось Москве.

Нашлись в Европе государства, не великие территорией и количеством населения — но великие духом и преданностью высоким принципам международной морали.

Мы низко склоняемся здесь перед благородной демократией Швейцарии, лишней раз проявившей свою всегдашнюю независимость мысли и непреклонность воли, перед классической страной религиозной и духовной свободы Нидерландами, перед Потругалией гениального аскета Салазара, которая дает удивленной Европе пример того, что утверждение примата духовных начал в общественно-политической жизни может быть одним из

условий политического расцвета и экономического благосостояния страны.

Благодаря твердой и решительной позиции прежде всего этих стран и некоторых других, уготованный для большевиков в Женеве апофеоз не будет иметь место.

Советской России придется все же, прежде чем усесться в Женевском кресле выслушать несколько горьких истин...

Но это, увы, не меняет существа дела. Отныне можно считать, что Советская Россия является полноправным членом Лиги Наций и располагает постоянным местом в Совете.

Не связанная никакими ограничениями в вопросе о меньшинствах, не в пример некоторым другим государствам, трактуемым как державы второго сорта, — она сможет, без всякого опасения нескромного вмешательства в свои “внутренние” дела, продолжать кровавую вакханалию издевательств над поработанными ею народами...

Национальные меньшинства вообще и угнетенные красной Москвой народы в особенности, у которых могли оставаться кое-какие надежды на Женеву, должны будут проститься навсегда со своими иллюзиями...

Они знают теперь точную цену высокопарным речам, которые произносились в 1922 и 1924 гг. перед 6-ой Комиссией Лиги по адресу большевиков в связи с изменническим нападением на Грузию и августовским грузинским восстанием...

Не следует однако ни преувеличивать, ни преуменьшать значения вступления СССР в Лигу Наций.

Если для Москвы это несомненно крупный дипломатический успех, укрепляющий ее международное положение и поднимающий ее престиж, то для самой Лиги это новый и очень тяжелый моральный урон.

Никакими софизмами, никакой лицемер-

ной фразеологией этого скрыть нельзя.

Нравственное чувство многих народов, представители которых не могли пойти против великих держав и вынужденно голосовали за большевиков, глубоко уязвлено.

Внутренняя атмосфера, дышащего на ладан Женевского органа, еще более сгустилась, а политическая дееспособность его едва ли особенно возросла.

Во всяком случае появление на берегах Женевского озера делегатов Кремля не может компенсировать отсутствие Германии, Соединенных Штатов и Японии и от универсальности Лига Наций по прежнему бесконечно далека...

Реальная опасность созданная вступлением СССР в Лигу заключается в том, что под покровом этого международного учреждения будет значительно легче практиковать систе-

му так называемых региональных соглашений и проводить политику военного сближения с советской Москвой...

Существуют, однако, симптомы свидетельствующие о том, что в общественном мнении некоторых стран, где в последнее время особенно шумно популяризировалась идея такого сближения, начинается серьезный перелом.

Широкие круги, относящиеся с понятным отвращением к Москве и вполне основательно боящиеся вовлечения их стран в грозные международные конфликты ради спасения коммунистического режима в России, начинают все более громко реагировать против опасного увлечения Московской сиреной...

Есть основание думать, что эта кампания будет расти и шириться.

Польское общественное мнение и кавказская эмиграция

Ниже читатели найдут открытое письмо Редактору "Кавказа" Председателя, недавно закончившегося в Варшаве, съезда поляков, проживающих за границей, г. Калиновского.

Письмо это, несомненно продиктованное самыми лучшими побуждениями, лишний раз свидетельствует об искренних симпатиях польского общества к освободительному движению народов Кавказа.

К сожалению оно свидетельствует также и о том, что в некоторых польских кругах плохо разбираются в процессах, происходящих в кавказской политической эмиграции, и склонны давать слишком поверхностную оценку явлениям требующим к себе более пристального и вдумчивого отношения.

Польские симпатии к Кавказу, как и искреннее тяготение кавказцев к Польше — не новость.

Это своего рода историческая традиция.

Восходит она к той героической эпохе, когда лучшие сыны Польши и Кавказа, борясь за независимость Родной страны, протягивали друг другу руки через голову общего врага и угнетателя.

Не мало польских патриотов приняли и непосредственное участие в борьбе горцев Кавказа против России и способствовали образованию европейского общественного мнения с истинным характером русского продвижения на Кавказ.

Имена польских патриотов отдавших свои

силы и таланты борьбе за свободу Кавказа — достояние нашей национальной истории.

В благодарной памяти наших народов они никогда не умрут. Созданные ими между Польшей и Кавказом узы — неразрывны.

Преходящие и случайные разногласия, возникающие на почве односторонней и тенденциозной информации могут их временно омрачить — но не уничтожить.

Время и факты откроют глаза наиболее близоруким.

Как и Польша Кавказ, по своему географическому и стратегическому положению, является необходимым элементом подлинного мира и сотрудничества народов Востока Европы.

Отсутствие Кавказа на политической карте — одна из важнейших причин, делающих в настоящий момент иллюзорными все попытки установления длительного и прочного мира в этой части Света...

Настанет день когда Польша и независимый Кавказ, спасенные общностью национальных идеалов, связанные важнейшими политическими интересами будут выступать на международной арене как естественные и верные союзники на страже нового правопорядка, возникшего на развалинах поверженного коммунизма...

Так мыслим мы вопрос о взаимоотношениях Польши и Кавказа.

И не со вчерашнего дня.

Да будет позволено пишущему эти строки напомнить, что он был одним из первых (если не первым) из ответственных политических деятелей Кавказа, которые, как только это оказалось возможным, еще в декабре 1918 года, обратил свои взоры к Польше, делавшей первые, еще неуверенные шаги на триумфальном пути своего Возрождения.

В письме на имя Начальника Польского Государства Иосифа Пилсудского, отправ-

ленном из Берна, он писал о водухевающих его компатриотов чувствах, напоминал об исторической дружбе и просил о политическом сотрудничестве...

Прошло почти шестнадцать лет... Польша выросла в великое государство. Кавказ истерзанный и униженный корчится под пятой красной Москвы...

Но не произошло никакого изменения ни в нашем понимании стоящих перед Кавказом исторических задач, ни в наших сердечных чувствах к Польше.

С глубоким удовлетворением следим мы за усилением ее государственной мощи, за ростом ее политического значения.

Искренно и безкорыстно радуясь ее успехам, мы конечно, не можем не отдавать себе отчета и в той важной роли, которую может и думаем, должна сыграть Варшава, когда настанет решительный для судеб нашей Родины час.

Естественно поэтому, что мы с исключительным вниманием прислушиваемся к общественному мнению Польши и не можем оставить без ответа и комментариев письмо Председателя с'езда поляков, проживающих за границей.

К тому же письмо это, удивившее нас неожиданной резкостью тона и выражений, досадно противоречащих укоренившемуся у нас представлению о рыцарском характере и изысканной вежливости польского народа, выражает, повидимому, настроения не только зарубежных поляков, но и некоторых, чуждых с'езду, влиятельных политических кругов.

Чистосердечное и лояльное объяснение, думаем мы, может только способствовать лучшему взаимному пониманию и упрочению польско - кавказского содружества.

Такое объяснение, может быть тем более своевременно, что нечто похожее на чувство нетерпения и раздражения начинает, как

будто проникать в наиболее нервные слои нашей эмиграции, не умеющей понять слишком большого, по их мнению, ослепления и неразборчивости наших польских друзей...

* * *

Итак г. Калиновский ставит нам в упрек, что мы не скрываем наших идейных разногласий с некоторыми Кавказскими политическими группировками и не демонстрируем перед лицом иностранцев национальной солидарности.

“Спор между двумя кавказскими течениями, пишет Председатель С’езда зарубежных поляков, дискредитирует всех кавказцев... Неохотно и даже со стыдом мы должны признать, что вы не умеете скрывать ваши внутренние споры...”

Оставляя в стороне неприемлемую форму и лишь вдумываясь в содержание этих глубоко несправедливых обвинений мы, не без горечи, вынуждены констатировать, что некоторые польские круги не хотят взять на себя труд, или не умеют, проникнуть в сущность основного и в конечном счете единственного расхождения, которое разделяет Кавказскую политическую эмиграцию на два непримиримых лагеря.

Эти круги упорно не видят или не хотят увидеть, что в том столкновении идей, которое их, как искренних друзей Кавказа, так шокирует, нас, национально мыслящих кавказцев, нисколько не интересуют так называемые “внутренние вопросы”, что драма наша именно в том и заключается, что в споре нашем с грузинскими марксистами, выступающими в Варшаве, во главе некоторых фальсифицированных псевдо - кавказских организаций, речь вовсе не идет о двух разных течениях единой национальной мысли, о двух различных выражениях единой национальной воли,

а о принципиальном, доктринальном отказе от национальной стихии с одной стороны и о страстном, религиозном утверждении национального начала с другой... о вынужденном, под давлением внешних обстоятельств и временном допущении сепаратного существования Грузии с одной и о пламенном фанатическом утверждении идеи Кавказской и Грузинской независимости, как высшего духовного блага, как самоцели — с другой...

Социальный радикализм наших противников никакой решительной роли в наших расприх не играет.

Было бы глубоко ошибочно думать, что наш национализм консервативен или реакционен.

Весьма возможно, что во многих социальных вопросах, пользуясь устарелой парламентской терминологией, мы окажемся значительно левее грузинских меньшевиков...

Участие в нашем журнале отколовшейся от грузинской социал - демократической партии, группы национальных социалистов является в этом отношении достаточно показательным фактом.

То что нас действительно разделяет, что исключает возможность какого бы то ни было компромисса между нами — это решительное и безповоротное отрицание нами священных для наших противников догм Марксера Евангелия — наше нескрываемое отвращение к пошлому историческому материализму, грозящему вытравить из народной души наиболее возвышенные, наиболее благородные побуждения человеческого духа — наше страстное отталкивание от человеконенавистнической теории классовой борьбы, несущей смертельную опасность национальному единству и гармоническому развитию наших народов, это — наша страстная религиозная преданность национальной идее, стихийное ощущение нами родной почвы, неотъемлемое

от нас сознание связанности нашей с предшествовавшими нам поколениями и со всей нашей историей, наша твердая непоколебимая воля защищать всеми доступными нам средствами самобытность нашей страны, ее своеобразную духовную структуру, свойственный ей одной аромат ее национальных культур, одной ей присущую феерию ее бытовых красок...

Если бы г. Калиновский и его друзья, вместо того чтобы спешить клеймить нас упреками в недостатке национального самолюбия взяли на себя труд серьезно изучить историю формации кавказских политических партий, если бы они объективно проследили двусмысленную деятельность некоторых из них в тени 2-го Интернационала, и внимательно вчитались в их *национальную* прессу — то, думается нам, им трудно было бы не признать, что только, оправданная недавним трагическим опытом, тревога за будущие судьбы Родной страны, только острое ощущение национальной боли и национального самолюбия диктует нам суровый долг сорвать личину с тех, кто, в целях ничего общего с Родиной не имеющих, спекулируют, там где это им выгодно, священными для нас понятиями Отечества и Нации...

Не странно ли, что именно польским патриотам, с молоком матери впитавшим мистический культ Родины, пронесшим сквозь неслыханные страдания и позор национального унижения — лучезарную идею Возрожденной Отчизны, приходится нам объяснять, что не может быть у нас ни духовного единства, ни политической солидарности с теми для которых независимость Родины есть лишь тактический шаг, лишь случайный этап на пути к объединению с русской социалистической демократией...

Как не видят наши польские друзья, говоря о "споре между двумя кавказскими те-

чениями", что люди стоящие во главе течения, против которого мы боремся, тащут за собой убийственный груз своего прошлого..., что их имена не только на Кавказе, но и за его пределами, олицетворяют собою эпоху господства чуждых и враждебных нашему национальному идеалу идей — тупого бездушного марксизма и фальшивого доктринального интернационализма, принявшего в специфических условиях кавказской действительности логически неизбежный характер плохо замаскированного революционной фразеологией руссофильства...

Неужели г. Калиновский и его единомышленники не знают, что в те дни когда волей рокового случая, и благодаря поддержке русских войск эти люди оказались в роли хранителей и защитников высшей национальной святыни — независимости Родной Страны, — они были сознательными могильщиками не только Грузии, но и всего Кавказа, так как, борясь с национальной стихией, с первых дней русской революции они сеяли отравленное семя классовой борьбы и национального разложения не только в Грузии, но и в соседних республиках...

Как хотят наши друзья поляки, чтобы Кавказские патриоты взирали с верой на будущее, когда во главе Кавказского национального дела в Варшаве оказываются те самые элементы, которые в 1921 году, т. е. уже после того как молодое Грузинское государство оказалось раздавленным тяжелым сапогом русских большевицких армий, первые политические шаги на чужбине ознаменовали позорным обращением к Заграничной Делегации Российской Социал - демократической партии (меньшевиков) в котором униженно заверяли г.г. Данов и Абрамовичей, что независимость Грузии была лишь историческим этапом и что будущее ее неразрывно связано с будущностью русской социалистической де-

мократией. (См. письмо Н. П. Жордания к Заграничной Делегации Р. С. Д. Р. П., цитированное Далиным в № 14 "Социалистического Вестника" за 1930 год).

Неужели можно требовать от нас, чтобы мы сохраняли безоблачное спокойствие и делали вид что все к лучшему в этом лучшем из миров, когда в течение 13 лет нашего вынужденного пребывания на чужбине, начиная с лживого и клеветнического манифеста, направленного против Турции, дружеское расположение которой к народам Кавказа является одной из основных предпосылок осуществления Кавказской независимости, лидеры грузинских меньшевиков, тупо и упрямо следуя директивам 2-го Интернационала, выступали против всех политических сил в Европе и на Дальнем Востоке, которые вследствие своих идеологических установок или по соображениям национальной государственной политики являются врагами Советской России...

* * *

Было бы ребячеством, г. Калиновский, отрицать, что значительная часть нашей эмиграции, живущей в исключительно трудных моральных и материальных условиях, изверилась, устала, утратила активность...

Предоставленная самой себе, без ярких лозунгов, без ясных идей, без вождей способных увлечь ее, зажечь своим горением — она все более и более теряет веру в свои силы, и отварачивается от политической деятельности, все более и более утверждает в мысли, что те, кого Вы повидимому считаете руководящими кругами нашей эмиграции ни о чем ином как о собственном маленьком благополучии не помышляют, ни чем иным как устройством своих маленьких групповых и партийных делишек не заняты...

Эмиграция видит, не может не видеть,

всей возмутительной фальши глубоко аморального объединения некоторых идеологически исключаящих друг друга группировок, связанных друг с другом лишь общностью практических интересов и круговой порукой в целях взаимной рекламы и совместной эксплуатации легковерия дружественных Кавказскому национальному делу европейских кругов...

Следует ли, г. Калиновский, замалчивать этот процесс разложения? Нужно ли закрывать глаза на эту тяжкую болезнь из опасения скомпрометировать себя в глазах иностранцев?

В чем заключается патриотический долг? В том ли чтобы сохранить более или менее благополучный фасад прогнившего насквозь здания и делать вид, что на "Шипке все спокойно", закрывая глаза на то, что в этом тлетворном спокойствии разложения и смерти таится грозная опасность для будущих судеб Родины или в том, чтобы пока еще не наступили сроки, пока не настал еще час решительной битвы бестрепетно поставить диагноз опасной болезни и найти в себе мужество вскрыть тайный нарыв и очистить моральную атмосферу?...

Мы думаем, что долг истинного патриота в том, чтобы избрать второй путь.

Мы не хотим и не можем хлороформировать общественное мнение Кавказской политической эмиграции, закрывая глаза на гангрену интернационализма и марксизма, которая тем более опасна, что в оппортунистических целях она иногда камуфлируется нашими формулами и украденной у нас идеологией, как это имело место с опубликованным недавно "нактом" Кавказской Конфедерации...

Мы не можем допустить преступной спекуляции самыми дорогими для нас духовными ценностями ради продления беспечального

существования осужденных жизнью и историей политических трупов и взятых ими на прокат для создания видимости общекавказской акции нескольких фигурантов еще так недавно усердно обслуживавших злейших врагов нашего национального дела...

Мы вынуждены отмежеваться от людей лишенных всякого будущего у себя на Родине. Мы должны открыто и твердо сказать: "мы не с ними", если только мы хотим сохранить свой авторитет и доверие наших народов. Иначе мы похоронили бы себя с теми, чья роль так трагически и бесславно сыграна.

Мы думаем, что никакая иностранная подрезка, никакое высокое покровительство зарубежных сил не освободят наших народов и не обеспечат политической самостоятельности нашей страны, если прежде всего мы сами не будем одушевлены пламенной верой в наш национальный идеал, если мы не сумеем разбудить жажду подвига и создать святой пафос борьбы у нашего молодого поколения...

Полагает ли г. Калиновский, что наша молодежь чутко прислушивающаяся к биению мирового пульса, видящая крушение старых устоев Европы и рождение новых форм социальной и национальной жизни может доверить национальное дело Кавказа профессиональным гасителям духа, которые вместо священного огня национальной идеи, вместо мистики героической борьбы за Идеал несут им мертвящий холод материалистического понимания жизни и калечащий душу интернационализм, отрывающий их от родной почвы и сводящий к нулю работу целого ряда поколений создававших все чарующее своеобразие духовного облика нашей расы и нашей страны?

Нам кажется, что на этот вопрос не может быть двух ответов и вот почему г. Калиновский, многие среди нас думают, что моральная поддержка, которую находят эти господа у некоторой части польского общественного мнения — не есть услуга национальному делу Кавказа.

Гайдар Баммат

Августовское восстание Грузии

Прошло десять лет со времени Августовского восстания Грузии. Этому знаменательному событию для Грузии, грузинская эмиграция в Париже посвятила особое собрание, откуда я ушел удрученным.

После краткой и приличествующей случаю речи председателя колонии, единственным докладчиком собрания выступил посевший в битвах меньшевик оратор, который и поучал нас тому что такое грузинский патриотизм. В длинной речи незадачливого трибуна, кстати, участника восстания и довольно популярного среди своих единомышленников, все было вместе и шествовало в порядке

грациозного менуэта: грузинский патриот Илья Чавчавадзе и "великий Георгий Валентинович Плеханов", наша народная "Мцхетоба" и Второй Интернационал, "грузинская мать" и "историк" Карл Каутский, Крцаниская битва царя Ираклия и теория классовой борьбы Маркса, в общем все цвета национализма и почки социализма, собранные в один душистый "юбилейный" букет!

Возможно ли это? Не натяжка ли пытаться на страдальческом лице грузинского восстания рисовать этот ряд "волшебных изменений милого лица", не ошибка ли в корне, вообще, изображать национальное движе-

ние трамплином для более “высоких” прыжков грузинского меньшевизма?

Я с грустью слушал всю эту неестественную и туманящую разум человека смесь имен, понятий и символов и мне казалось, что, в этот день нашего распятия, нас поили цикотой, как Спасителя на кресте.

Но это, к несчастью, и есть официальный грузинский национализм, культивируемый в эмиграции, так называемым “единым национальным фронтом”, свалочным местом для отживших идей и в особенности отживших людей, единственное назначение которых — развлекаться глупостью и в гробах, хотя отпущается она Богом только пожизненно.

А меж тем грузинское восстание 1924 года тем и знаменательно, что Грузия обрела в нем свое подлинное лицо. Все же остальное, марксистское и не грузинское, навсегда осталось в большевицком лагере. В эти мрачные дни убийств и дороговизны жизни люди остригли также как и в доброе старое время. На жалобу одной наивной кухарки — негрузинки, по поводу вздоражания мяса, один тифлисский мясник ответил, что дешево только грузинское мясо! Цену на грузинское, да и вообще на человеческое мясо “снизили” именно марксисты. Все убитые были грузины, все убийцы — марксисты - коммунисты! Можно ли после этого утверждать по совести, что социализм остался попрежнему “дорогой”, для грузинского народа, идеей? Сомневаюсь!

В этом восстании погбли люди которые не пожелали бы отдать за социализм и мизинца своей руки, но отдавшие за Грузию все: юноши — зарю своей жизни, старики — остаток своих дней.

Их знаменосцем был князь Чолокашвили!

Где же тут материалистически упитанному, жадному к хлебу и по городскому уютному марксизму тягаться с бескорыстными

идеалистами — патриотами, наполнившими леса Грузии, чтобы без хлеба и кровли, бороться за свободу родины!... Наше время дало блестящее доказательство не только неспособности марксизма служить национальному возрождению, но и призрачности марксизма, вообще, как политической и социальной силы. Стоило фашизму стукнуть по голове марксистов и они бесследно исчезли в странах, где, казалось, господству их не было ни меры, ни конца.

Не так быстро сдается национальная идея! Как акт имевший место в рамках сурового большевизма, восстание 1924 года было безумством храбрых и даже просто безумием!

Я это говорю как его участник и лицо, не скрывавшее от себя, насколько было трудно восстать против силы, которая бушевала на весь мир. Но энергия вложенная в это святое “безумие” поразила даже большевиков. Это была энергия народа, любящего свою свободу, но не использованная правителями, пока страна была независима. Остановить эту энергию ничто не могло. Она вылилась в восстание против московских поработителей и в укор по адресу своего прежнего правительства, ничего не сделавшего для защиты страны своевременно.

Августовское восстание не решило судьбу Грузии. Оно было затоплено в крови. Но оно навсегда освободило ее от тех идей, которые нигде не считаются полезными для национального преуспеяния и среди которых первое место бесспорно занимает марксизм, и в особенности доморощенный грузинский марксизм.

Для народов на которых наложили ярмо рабства, восстание такое же священное право и законное средство борьбы за свою свободу, как оборонительная война, для государственно организованных свободных народов.

Грузинское восстание 1924 года обратило на себя внимание всего мира и снискало сочувствие народов. Оно было понято как акт протестовавший против нарушителей международных обязательств и как желание грузинского народа сбросить с себя московское иго. Обсуждение Лигой Наций грузинского вопроса было самым важным политическим последствием Грузинского восстания. В специальной резолюции Лига заявила тогда, что вернется к грузинскому вопросу, когда создастся надлежащая обстановка.

Не будем предвосхищать, что этот моент уже настал, но на десятом году августовского восстания совпадение получилось на редкость поучительное. Советская Россия, в дни восстания так густо залившая кровью

Грузию, входит в Лигу Наций. Вспомнит ли Лига Наций о своей резолюции — покажет будущее. Но нельзя не отметить, что в Европейской прессе уже раздаются голоса об обязательствах вновь входящего в Лигу государства и слово “Грузия” заметно начинает мелькать меж строк.

В десятую годовщину августовского восстания, эти голоса свободной европейской прессы есть лучший венок на могилы тех тысяч и тысяч грузин, которые умерли с любовью к своей несчастной родине и с твердой верой, что принцип братства и равенства больших и малых народов, основной принцип Лиги Наций — не пустой звук.

III. Амирэджиби

Азербайджан на с'езде советских писателей

Подготавливаемый с давних пор этот с'езд прошел с большой помпой. Масса речей, бьющих в общем в одну и ту же точку — удивительное единодушие, неправда-ли? — идиллия братания великорусских писателей с “националами”, приветствие иностранных гостей из “революционного лагеря” и пр. и пр., конечно, официально должны показать внешнему миру при какой обстановке “под'ема”, 500 делегатов представляющих литературный мир СССР выразили готовность творить “художественные произведения”, не только под эгидой коммунистической партии, но и по ее указке, по выбранной ею “тематике”.

С'езд крайне любопытный и не лишенный известной “пикантности” выразившейся в речах и докладах отдельных, должно быть, заранее не спевшихся между собою ораторов.

Большой интерес для нас, кавказцев, представляет, конечно, выступление тех делегатов, кои должны были представить на этом

с'езде литературу наших народов. Предоставляя другим моим коллегам право анализа выступлений горских, грузинских и армянских делегатов, я остановлюсь на азербайджанцах, кои приехали на с'езд в числе 10-ти, все с решающими голосами. Люди молодые, кроме Джабарлы, талантливого драматурга, коего произведения мне несколько знакомы, другие имена ничего мне не говорят, особенно главного докладчика по азербайджанской литературе, Алекперли. Доклад его, хотя исторически выдержанный, конечно оказался не полным. Так из писателей, поэтов и драматургов Азербайджана за период от 18-го столетия до революции, он отметил лишь Вакифа, Бакиханова, Закира и Мирза Фатали, оставив несколько десятков имен совершенно в тени — думаем, больше по “политическим соображениям”, чем по неведению.

Не только это. Алекперли, доклад которого прошел заранее через большевистскую цен-

зуру, классифицирует Али бека (Гусейн заде) среди идеологов “буржуазного шовинизма”, присовокупляя, что “азербайджанский народ так и не понял их литературу, остался чуждым ей”. Что писания Али бека (в “Геяте” и “Фьюзате”) предназначались не для масс, а для элиты, в этом может быть и доля правды. Но напрасно Алекперли приписывает Али беку “буржуазизм” и “шовинизм”. Этот культурный человек был далек как от одного, по эстетическим соображениям, так и от другого, по соображениям глубокой гуманности. Едва ли докладчик мог бы привести какой-нибудь образец из творчества Али бека, который оправдал бы эту характеристику; Али бек писал преимущественно на философические и эстетические темы, поэзию, критику. И во всех его писаниях сквозили глубокий гуманизм и отрицание всего что было узкого и вульгарного. Можно утверждать, что если Азербайджан лишился навсегда весьма полезной и благотворной деятельности Али бека, то именно благодаря разладу его концепций с таковой некоторых представителей своей буржуазии.

Нет, причина такого отзыва об Али беке заключается в иной плоскости: — это роль сыгранная им в пробуждении национального самосознания, *тюркизма*, среди азербайджанцев, а так же в преобразовании их родного языка с ориентацией в сторону турецкого, его освобождения от влияния персидского и предостережение от искусственного внедрения в него русских или интернациональных терминов. Али бек был первым азербайджанцем, давшим эти два толчка, которые были восприняты азербайджанским народом в дальнейшей его эмансипации.

Как известно, большевики не хотели чтобы азербайджанские турки имели общий литературный язык с их анатолийскими братьями. Их политика ведет к тому, чтобы азер-

байджанский язык вновь вошел в свою скорлупу, стал бы “языком масс”, чтобы влияние турецкого было совершенно изъято, а необходимые для литературного произведения выражения черпались лишь из русского лексикона, “языка великого Ленина”, “языка октябрьской революции”. Здесь мы замечаем политику аналогичную такой же проводимой ими на Украине и Белоруссии, где из словарей были изгнаны все слова заимствованные из Галиции или западной Белоруссии, где, как известно, языки украинский и белорусский, сохранились в сравнительной чистоте, благодаря отсутствию руссификаторской политики.

Мы замечали как все столпы большевистской знати в Азербайджане, начиная с Караева и кончая Эфендиевым, громили азербайджанских авторов, учителей и пр. за их “тенденцию к османизации” азербайджанского языка. Об этой “опасности” напоминал Эфендиев на последней сессии центрального исполнительного комитета. Он восставал против перевода на турецкий язык таких “интернациональных слов” как “телефон”, “телеграф”, “коммунист”, “колхоз”, “пролетариат” и т. д.

Надо сказать, что известная часть большевиков великодержавников, с Бухариным во главе, выражали даже одно время мысль о необходимости “унификации” разных языков СССР и “слитии их во единый интернациональный” каковым должен явиться язык большинства, т. е. русский. При чем они ссылались на Ленина, который, оказывается высказывал ту же самую идею. Но Сталин со своей “генеральной линией” напомнил великодержавникам, что говорить об унификации всех языков пока преждевременно. В ожидании удобного момента пока что преподавание русского языка систематически усиливается в “национальных” школах.

Интересные сведения дал Алекперли о “новом творческом поколении” в Азербайджане, среди которого, правда, находим некоторые знакомые имена, как Юсуф Везир, которого докладчик представляет как “одного из представителей дореволюционной либеральной мелкобуржуазной интеллигенции”, Ордубади, Гусейн Джавид, которого “перестройка идет совсем медленно”, т. е. пока что “не клевет”, Джабарлы. Остальные имена, незнакомые нам, сотворили не мало шедевров, романов, драм и т. д. Среди них докладчик называет двух поэтов: Дильбази и Нигяр, воспеваящих, само собой разумеется, “победу пролетарской революции в области освобождения женщин Востока” — заказанную “тематiku”.

Докладчик все же отмечает, что “молодым литераторам в Азербайджане уделяется еще очень мало внимания” — не знаешь со стороны кого: правящих-ли кругов или же читателей.

Доклад — вещь официальная, а в большевистской действительности тем более. Не то что речи, где ораторы не всегда могут выдержать стиль “протокола”. Так мы замечаем, из осторожного отчета московских газет, как один из азербайджанских делегатов, поэт Рафили, пытается реагировать на весьма не тактичную выходку Бухарина в начале его доклада, где он, в присущей ему развязно-иронической форме и ссылаясь на “ирокезский язык” Козьмы Пруткова, заявил, что он будет говорить лишь о русской поэзии, так как других, “национальных”, он не знает. Рафили дает ему понять, что, пожалуй, не мешало бы ему, в силу своего положения, “интернационалиста”, ознакомиться с этими “национальными” литературами хотя бы в имеющемся прекрасном переводе русских авторов Пастернака и Тихонова. Далее, в весьма дипломатичной форме, Рафили возбуждает воп-

рос о “национальной форме” литературы, которую “часто понимают ограниченно” и поэтому получают весьма “грубые извращения”.

“Но часто бывает и другая “линия”, говорит он: “механически берут форму русского стиха и переносят ее в национальные условия... И на этом строят свою национальную поэзию”.

Здесь мы опять-таки подходим к “проклятому вопросу” — национальной проблеме, которую нынешние правители бывшей российской империи делают вид, что считают уже разрешенной в той упрощенной форме, которая резюмируется формулой “национальной по форме, социалистической по содержанию”... хотя теперь даже *по форме* требуется заполучить известную единообразность. Азербайджанский делегат хочет сказать: “Оставьте каждому народу его национальные особенности, дайте ему право творить, как он хочет или может, нельзя применять ко всем одну и ту же мерку”...

Но, что поделаешь? “Интернационализм” требует чтобы в такой многонациональной стране все было бы вложено в “общий котел”, который, в конце то концов, оказывается великорусским, как и “интернационализм” Бухариных и К-о.

Если Рафили коснулся весьма осторожно национальной проблемы в ее применении к области поэзии, то другой азербайджанский делегат, Джабарлы, в весьма элегантно построенной и глубоко правдивой речи, восстает против этой унизительной практики “социального заказа”, которой “гордится” страна пролетарской диктатуры. Подходит к этой опасной теме Джабарлы так же осторожно. “Умение выбрать тему, говорит он, показатель силы и качественного уровня художника, писателя, драматурга. Тема должна *заряжать* художника... Но многие товарищи ча-

сто путают термин “социальный заказ” и подменяют его “специальным заказом”. Напиши, мол, мне о стекольном заводе, или о шелкомотальной фабрике — вот как говорят писателю... Писатель не может и не должен писать об одном, в то время как его мысли, внимание увлечены другим... Произведение, которое рассчитано только на сознание, а не на чувства, является чем угодно, только не произведением искусства”...

Вот слова, коих было слышно мало среди сонма казенной осанки, раздававшейся в зале Дома союзов. Это есть крик души настоящего художника, обуреваемого высокими, мировыми идеями и мыслями, которому приказывают выкинуть все это из головы и творить “ходульного, схематичного, но не живого (определение самого оратора) фабричного или колхозного героя!

Выступления азербайджанских делегатов на съезде советских писателей, кроме несомненного их интереса с точки зрения деловой, носили характер серьезности и вдумчивости и обнаружили у них известную профессиональную эрудицию и политическую идеологию, разнящуюся от советской действительности.

Литература, это отклик народной души, и когда мы следим за ведущей линией в осторожных выступлениях представителей азербайджанской литературы, хотя бы и советской, то съезд ее мы замечаем настроения и вожеления нашего народа, рвущегося творить и устраивать свою жизнь без всяких указок извне.

Джейхун

Объединение интернационалов

Москва уже почти закончила в области международной дипломатии политику, продиктованную ей Японской опасностью. Последние штрихи этой политики — попытка заключения “Восточного Локарно” и вступление в Лигу Наций. Как известно французская дипломатия и французский министр Иностранных Дел г. Барту не пощадили ни времени ни усилий, чтобы всемерно способствовать реализации желаний Кремля... Покончив с вопросом о восстановлении международных отношений и о реабилитации своего престижа перед официальным миром, Москва поставила себе задачу — примирить с собой рабочую семью, стоящую вне 3-го Интернационала. Эту задачу она почитает не менее важной чем установление дружеских отношений с “бужруазными” правительствами. — Может быть с точки зрения “социалистической”

морали и революционных целей ей она придает даже большее значение. Если это примирение состоится и объединение рабочих интернационалов совершится — одно можно почитать несомненным, что единственным и полновластным хозяином международного рабочего движения неизбежно окажется Москва.

Для этого у ней все данные: несомненно в глазах широких рабочих масс она олицетворяет более последовательно и полно, чем все социалистические партии Запада — идеологию и доктрину марксизма, Искусственная пропаганда окружает ее в их глазах ореолом победоносной борьбы за общие цели... Наконец, вместе с государственными ресурсами громадной страны она располагает многочисленной армией, которую может повести в бой за идеалы мировой революции...

Удивительное совпадение! И эта рабочая

политика Москвы, как и дипломатическая ее работа в европейских столицах и в Женеве обслуживается французскими силами. — Если, исходя из соображений государственной пользы и реальных интересов Франции французский министр Иностранных Дел окажется самым красноречивым адвокатом официальной политики Кремля, то для проведения в жизнь его предначертаний в сфере международной рабочей политики оказываются на лицо Марсель Кашен и гражданин Леон Блюм.

Консервативная Франция для сохранения "статус кво". Революционная Франция для учинения мирового переворота — вот она вся программа Москвы как государства и как вождя 3-го Интернационала... Нет конечно ничего удивительного в том, что первые мероприятия направленные к объединению рабочих интернационалов Москва предприняла именно в той стране, где она пользуется наибольшим официальным гостеприимством и почетом, т. е. во Франции. Это имеет свои неоспоримые преимущества... Как бы то ни было, сегодня мы можем констатировать знаменательный факт: непримиримая вражда между коммунистами и социалистами во Франции, длившаяся целых 14 лет, прекратилась. Братья-враги сложили оружие, помирились друг с другом и снова восстановили единый марксистский фронт. — Это крупное событие вызванное к жизни исключительно волей Москвы отразится в самом ближайшем будущем на всей внутренней политической жизни Франции и вызовет глубокое перемещение партийных группировок. Первые тяжелые испытания ждут конечно радикал - социалистическое крыло левого картеля. Отойдет ли оно к лагерю правых или, наоборот, решительно возьмет влево, или, что всего вероятнее — распределится между этими двумя крыльями — одно несомненно — ускорится процесс

кристаллизации двух Франций, обострится их фатальное противоречие. Абсолютно неизбежное исчезновение средних, промежуточных сил оставит на арене: с одной стороны национально - демократический фронт, а с другой — интернацион.-диктаторский. Не придется удивляться если такая диспозиция, как это имело место в других странах повлечет за собой весьма тяжелые последствия для страны. Во всяком случае начавшийся процесс не остановится на сегодняшней стадии. По всей вероятности достигнутое между коммунистами и социалистами целевое соглашение превратится в органический союз. Этого несомненно желает наиболее активная часть французских социалистов, а Москва сугубо в том заинтересованная, конечно не преминет дать соответствующие директивы т. Кашену.

С другой стороны тот шаг, который уже сделала французская социалистическая партия, предвещает политику всего 2-го Интернационала, т. к. после крушения итальянской, немецкой и австрийской социалистических партий, решающая роль во 2-м Интернационале фактически перешла к французским социалистам.

Наряду с этим Э. Вандервельде, глава бельгийских социалистов и председатель 2-го Интернационала большой сторонник объединения с большевиками. В этом вопросе Вандервельде и французские социалисты точно отражают настроения всех европейских социалистов. Все они как принадлежащие к тем странам, где господствует фашизм, так и к тем, где еще превалирует парламентский строй, прежде всего заняты вопросом о борьбе с фашизмом. В этом их стремлении естественного и единственного союзника они видят в лице Москвы, которая больше чем кто либо жаждет мирового беспорядка и гибели современных режимов, так как считает себя законной наследницей всех обреченных на

гибель в пламени мировой революции тронов царей и президентов...

Если вместе с этим мы вспомним, что доктринальное родство 2-го и 3-го Интернационалов несмотря на их разрыв и соперничество толкает их обоих безостановочно работать для одной и той же цели, если в виде иллюстрации сказанного мы припомним, что 2-ой Интернационал на своих конгрессах неизменно выносил резолюции, клонившиеся к поддержанию и охране Коминтерна, как постоянного очага мировой революции, станет ясно, что то, что сегодня произошло во Франции — завтра станет официальной ориентацией всего рабочего Интернационала.

Самой верной гарантией того, что в конце совершающегося на наших глазах процесса победа останется за 3-им Интернационалом и стоящим за ним Союзом Советских Республик является, конечно, полная беспомощность 2-го Интернационала.

Такова тенденция явлений, обусловленная многочисленными факторами психологического и материального характера. В западных странах, где больше не светит луч идеализма, где все оценивается и измеряется с точки зрения непосредственной материальной выгоды, буквально было сделано все, чтобы большевизм нанес человечеству и его цивилизации как можно больше вреда.

Если все же разрушительная работа большевиков не увенчалась полным успехом, объясняется это отчасти русской расовой несостоятельностью, отчасти развитием еще находящегося в зачатке, но чреватого грозными событиями дальневосточного конфликта.

Во всем этом нас, кавказцев и грузин, конечно, прежде всего интересует вопрос о том, как поступят грузинские меньшевики и их вождь Н. Жордания.

И это вовсе не потому, что нам недостает уроков прошлого или мы не знаем что нам

готовит в будущем объединение Интернационалов или что мы еще питаем надежду, что г. Жордания сможет принести какую-нибудь пользу Грузии, если только на закате своих дней он действительно отречется от верности Интернационалам и окончательно признает свою Родину. С этой стороны совершенно нечего ждать. Мавр сделал свое дело и единственное что ему остается сделать — это уйти со сцены!...

Вся страна является свидетельницей того, что все то, что за последние 40 лет г. Жордания познал или позаимствовал от 2-го Интернационала и пытался осуществить на нашей почве — было величайшим бедствием для Грузии...

Всем известно какое громадное количество кровавых жертв понадобилось для того, чтобы грузинский народ окончательно исцелил свою душу от привитой г. Жордания и его присными мертвящей отравы...

Да все это мы знаем! Но не знаем мы думает ли г. Жордания искупить свои старые грехи и главное насколько он искренен в своих намерениях? Совершился ли в нем тот душевный переворот, который мог бы примирить с ним Родину, которой он нанес столько жестоких ударов? И как вы хотите чтобы мы это знали, когда понятия Нация, Родина и их права, все то, что всегда было для нас мерилом всех ценностей, в писаниях Н. Жордания попеременно то принципиально отвергалось, то, в зависимости от обстановки, тактически признавалось...

В этом основном для нас вопросе он всегда был подобен ярмарочному плясуну на канате, который в целях сохранения опасного равновесия, дабы не оборвать нить своей жизни связанной по существу с марксизмом и русской социалистической демократией, искусственно перебегал от одного столба к другому...

Нигде в его писаниях, ни в его речах вы не встретите места, которое дышало бы истинной верой, глубоким убеждением, которое задело бы вас за живое и вызвало в вас уверенность, что Н. Жордания способен быть патриотом своей страны!...

Мне скажут, что же означают все “аннибаловы клятвы”, которые г. Жордания так охотно расточает, о чем свидетельствуют его любовные излияния в складках национального флага? — Неужели и после всего этого нельзя поверить, что он окончательно отверг повторные призывы к борьбе за свободу его нудся от 2-го Интернационала и решил свой

последний бивуак устроить у сторожевой будки Грузии?

Пусть верят те кто может. Но, по чистой совести, у нас этой веры, к несчастью, нет. И если завтра слияние двух Интернационалов окончательно станет совершившимся фактом мы вовсе не убеждены что Н. Жордания не бросится в объятия своего старого соратника Сталина. Боимся мы, как бы старому канатному плясуну, по укоренившейся привычке не вздумалось совершить очередной свой прыжок к кремлевскому столбу.

Ст. Кедия

О безумии империализма

V.

“Твой щит на вратах Цареграда”, — говорит кудесник русскому князю Олегу в известной балладе Пушкина. Этот Олегов щит, якобы когда-то прибитый победоносным славянским князем к воротам Византийской столицы, стал потом вещим символом всех российских великодержавных воцелений в сторону черноморских проливов.

Конечно, князь Олег в своих набегах на Византию очень мало руководствовался сознательными стремлениями государственного киевского империализма, а просто по обычаям эпохи и по традициям, можно даже сказать по ремеслу всех своих сородичей — норманов, грабил — где попало и куда только занесет — ближних и дальних богатых соседей, но во всяком случае с точки зрения внешних фактов, можно начинать историю российских поползновений на Царьград и проливы с этого пресловутого Олегова щита.

По мере роста московской государственности и ее последовательного проникновения

в южные степи, вопрос о теплых морях, как предельной черте господства и исканий, разумеется, начинал мало по малу вырисовываться среди все более и более определяющихся задач государственного объединения. Уже Иоанн Грозный своими ударами по Казани и Астрахани раздробил и широко раздвинул враждебные росту России силы, но крымский хан еще грозно и прочно сидел на приморском юге, имея за собой дружественного единоверца — могущественного тогда турецкого султана.

Государственное раздвижение России к морям было еще мало осозанным, почти стихийным, но под теми или другими предлогами борьбы — захватами земли, добычи или религиозной вражды — проступал, конечно, этот все более определяющийся стимул великодержавного господства, искавшего последних возможных пределов и свободных выходов к мировым водным путям.

Даже и впоследствии — знаменитый лозунг “Крест на Св. Софию” — этот воинственный клич нескольких русских поколений

— лишь поверхностно прикрывал словами религиозного экстаза очень прозаическую мысль государственного овладения проливами. Он вдохновлял людей к религии совершенно равнодушных, заведомых атеистов русской интеллигенции.

Конечно, у Иоанна Грозного, как и у Бориса Годунова, этих правителей более вдумчивых и зорких, уже определялось общее понимание великодержавных стремлений России, но все-же, как и в остальных областях властвования, в этой основной его сущности вполне сознательное отношение к великим задачам развивающегося империализма выявилось вполне отчетливо и ярко лишь в знаменательную эпоху Петра, в сверхчеловеческой работе этого изумительного титана.

История жестоко осудила “чудотворца”. Сбылись пророческие слова Пушкина — утрова маленького героя “Медного Всадника” обывателя Евгения по адресу великого героя той-же поэмы — царя Петра Первого: “Добро, строитель чудотворный, — уже тебе!”, т. е. придет день, когда вся твоя грандиозная постройка рухнет. Но во всяком случае — отрицать нельзя: петровской “чудотворной” работы, размаха гениального императора хватило на много поколений, на два с лишним века вперед, несмотря на целый ряд весьма ограниченных монархов.

На подобие великих азиатских деспотов Петр вынес Россию на мировую арену, заставил ее играть одну из руководящих ролей. Грозной и могущественной долго казалась она своим соперникам.

Естественно, что в этом положении Россия искала свободных путей для жизненного обмена и обеспечения безопасности, т. е. свободных выходов в моря и океаны из своей огромной, на два материка раскинувшейся равнины. Великая война воочию доказала всем нам, как пужны были России эти сво-

бодные выходы, какой сдавленной оказалась она, какой беспомощной в своей торговле, в сношениях с союзниками. Приходилось пользоваться, как при Иоанне Грозном, выходом в Белое море на дальнем севере: это естественный выход для прилегающих областей, но великую Россию он, разумеется, не устраивал даже в десятой доле.

Провиденциальный “Олегов щит” и “крест на Св. Софию” — вот заветные символы русского исторического великодержавия, самые вожделенные, самые для него святые. И это как раз то, чего не хотели давать России ее главные европейские соперники, — открыто — Англия, более замаскировано — Германия.

В своих несконных спорах с Турцией Россия все время добивалась этих южных морей: синий Босфор воспет всеми славянофилами. И все время на этом пути она встречала сопротивление не только засевшей на теплых морях Турции, но и главных европейских морских держав — сначала Франции и Англии, потом Англии и Германии. Обходное проливам движение России через Кавказ все к тем-же южным морям немедленно встретило ответный жест. Этапы русского продвижения — Тифлис, Карс, Эрзерум — все это прямая линия к Александретте — этапы, которыми она шла в каждую войну с Турцией, заставили британского премьера лорда Биконсфильда - Дизраэли занять для Англии и укрепить остров Кипр, лежащий как раз против Александретской бухты. Британский флот всегда стоял на страже малейшего успеха России в направлении южных морей.

Правда, в трагические минуты безмерно затянувшейся великой войны, Россия получила от союзников формальное право овладения проливами, но произошло это в таких условиях, что фактически оно звучало почти

насмешкой: Россия изнемогала в борьбе с наступавшими немцами и печальный для нее исход войны был почти предрешен.

Так или иначе — российское великодержавие ничего так не искало и не добивалось в эпоху своего развития, как свободных морских выходов на юге, и ни в каком пункте соперники России так не старались ее ущемить, как именно здесь. Отсюда явствует все неоспоримое значение для России, как единой великой державы, этого южного водного простора: Черное море без проливов — это озеро для каботажного плавания вдоль северного побережья, мировая его торговля и все сношения с миром могут быть остановлены в любую минуту.

Территориально Россия искалечена именно по линиям своих насущных великодержавных требований. Нам уже приходилось говорить, как прочно отодвинута она от Балтийского моря и как обречены ее позиции на Дальнем Востоке. Что же касается вождеденных проливов на юге, то едва-ли кто-либо даже из самых закоренелых реставраторов бывлой великодержавной декорации станет выдвигать сейчас на первый план патриотические знамена с Олеговым щитом и крестом на Св. Софии.

Понятие не до того. Преемница бывлой империи — Советская Россия уступила и Бессарабию, и Карс, и горные подступы к Батуму, и каковы бы ни были ее тайные замыслы, политику ей приходится вести самую уклончивую и трусливую. Конечно, территории еще у Советского Союза много, много на ней можно насчитать жителей; беспощадно обирая собственное население, много можно бросить денег на видимость мощной военной организации: этим достигается некоторый успех игры в великую державу, которая может ввести в заблуждение поверхностного наблюдателя. Но за отсутствием действительных то-

чек опоры великодержавный фасад приходится укреплять контрфорсами всевозможных дипломатических усилий, хитросплетениями пактов и дружественных договоров.

Потому-то и нужны все эти пакты о ненападении, и определения нападающей стороны, и договоры взаимной страховки, и восточное Локарно, и Средиземноморский пакт, и Лига Наций, и все эти митинги и шумиха по поводу агрессивных намерений Японии и Германии, — что малейший резкий толчок, колеблющий почву, может сразу разрушить всю иллюзию великодержавного фасада. Российское великодержавие потеряло сейчас все свои пути.

И с другой стороны — именно потому так спокойны теперь и Англия, и Италия, и Турция в вопросе о русской опасности на южно-европейских морях. Проблема черноморских проливов, с точки зрения реальных посягательств России — такая острая в свое время — потеряла теперь свою былую актуальность. А если-бы она, паче чаяния, в силу каких-нибудь государственных метаморфоз вновь возникла, это-бы вызвало, конечно, решительное и объединенное противодействие всех заинтересованных стран: и Турции, и Болгарии, и Румынии, и Греции, и Англии, и Италии.

Россия прочно заперта сейчас в Черном море, при чем необходимо особо подчеркнуть факт большой важности, о котором забывают. Российское черноморское побережье принадлежит Украине, Кавказу и Кавказу: оно неминуемо даст обычные центробежные трещины при всяком государственном “землетрясении”, вызванном более или менее сильным толчком извне, ударом откуда-бы то ни было.

Между держав Средиземного моря все

более и более, за последнее время, приобретает значение Италия, и рано или поздно, несмотря на нынешний антагонизм, неминуемо ее соглашение с Турцией в связи со столь же

неминуемой постановкой в недалеком будущем российской проблемы в ее целом.

К этому нам еще придется вернуться.

В. Олешин

По поводу пакта кавказской конфедерации

Нами только что получен специальный номер "Прометей" содержащий, подписанный 14 июля в Брюсселе, Пакт Кавказской Конфедерации.

Мы бы первые приветствовали рождение такого Пакта, которого мы уже давно ожидаем, если бы опубликованный документ не вызывал у нас весьма серьезных сомнений, беспокойств и даже сожалений.

В нашу задачу не входит оценка политического значения Пакта.

В настоящей статье мы имеем в виду ограничиться исключительно юридическим анализом, находящегося в нашем распоряжении текста.

Само собою разумеется, что в современных условиях, разбираемый Пакт может иметь лишь чисто теоретический характер.

Настоящая Конфедерация возникнет на Кавказской территории в соответствии с волей и пожеланиями Кавказских народов.

Однако не следует ли видеть в факте опубликования Пакта благоприятное предзнаменование для будущего соглашения народов Кавказа? Не следует ли искренно приветствовать объединение кавказцев, пребывающих сейчас вольно или невольно в изгнании?

Конечно! — если бы мы могли верить в искренность и прочность этого объединения. К сожалению именно в это мы и не можем поверить. И лучшее доказательство основательности нашего недоверия заключается в самом тексте Пакта.

Безполезно закрывать глаза на реальные факты.

В самом деле, что находим мы в Пакте 14 июля 1934 г.?

Простое утверждение принципа, за которым следует перечень главных оснований Кавказского объединения.

Можно было бы ожидать более положительных результатов, принимая во внимание, что предварительные переговоры носили столь продолжительный и кропотливый характер. Как? Неужели этот лаконичский и скомканный текст является результатом многолетних совещаний?

Не удалось значит стовориться ни о каких деталях организации и в особенности не удалось найти общий язык в основном для Конфедерации вопросе о составе центрального органа...

Здесь кроется весьма прискорбный провал.

Подойдем однако к изучению документа методически. Остановимся прежде всего на принципе положенном в основание Кавказского Объединения и затем перейдем к краткому анализу всех статей Пакта.

Само собою разумеется, что в этом первом очерке нам по неволе придется ограничиться замечаниями самого общего характера. В последующих статьях мы более подробно остановимся на каждом из предначертаний Пакта.

Прежде всего, можно ли утверждать, что существует единодушие в признании необходимости Кавказской Конфедерации? Мы ду-

маем, что нет. Отсутствие под Пактом подписи армянских представителей очень знаменательно и прискорбно, так как оно рискует скомпрометировать самое существование будущей Конфедерации.

Кроме этого весьма существенного упущения, необходимо особо подчеркнуть отсутствие в кругах Кавказской эмиграции приложивших руку в разбираемому тексту, подлинного Кавказского духа, который доминировал бы над местными интересами отдельных национальностей. Между тем наличие этого духа единства и общности интересов является первым и важнейшим условием конечного успеха предпринятого дела...

Конечно мы не упускаем из виду настроенные умы Тринадцати Американских Колоний, которые, вскоре после войны за независимость, объединились сначала в Конфедерацию государств (1776 г.), а затем в федеративное государство (1787 г.). Там также царил дух партикуляризма. Колонии ревновали друг к другу. Разногласия самого разнообразного характера, столкновения разноречивых интересов были так значительны, что смелые авторы Конституции 1787 г. не имели никакой уверенности, что им удастся провести ее через парламенты тринадцати государств. (Интересующиеся этим вопросом найдут весьма ценные указания в интересном труде Charles Lambert — *Histoire Constitutionnelle de l'Union Americaine*, vol. I. 1932).

И тем не менее современные Соединенные Штаты вышли из этого хаоса. Можно даже утверждать, что под давлением неодолимых экономических сил они находятся сейчас в стадии трансформации в единое, унитарное государство.

Однако, американский пример едва ли можно признать убедительным. Слишком велика разница между Тринадцатью Американскими Колониями и четырьмя Кавказскими

лациями. Это, впрочем, так очевидно, что комментарии излишни.

История конституционного развития Соединенных Штатов не была к тому же подобна широкой, полноводной реке, не знающей порогов и водоворотов. Наоборот, в течение всего 19-го столетия центробежные и центростремительные силы сталкивались с большой остротой до тех пор пока открытая борьба, закончившаяся победой Северян, не положила конец сепаратистским тенденциям Юга.

Наконец — и это решительный аргумент — американские учредители ни в какой мере не пользовались той свободой мысли, которая была доступна авторам Кавказского Пакта.

Последние взялись за свою работу вдали от Родины, вдали от месных духовных влияний и интересов, которые оказывают обычно столь деморализующее влияние на нашу внутреннюю свободу. Американским законодателям приходилось считаться со всем многообразием окружающей их обстановки и быта. Авторы Кавказского Пакта наоборот были в этом отношении более или менее свободны. К сожалению они совершенно не сумели использовать этой свободы в желанном и необходимом смысле.

Если их попытка потерпела крушение, то случилось это именно потому, что дух партикуляризма оказался у них сильнее Кавказского духа.

После этих кратких замечаний принципиального характера, перейдем к основным положениям Пакта изложенным в нижеследующих 6 пунктах, которые, в виду их важности, мы воспроизводим целиком.

1. Кавказская Конфедерация, обеспечивая внутри национальный характер и суверенитет каждой из входящих в нее Республик, будет действовать во вне от имени всех

Республик, как особый международный организм высшего порядка.

2. Внешняя политика Кавказских Республик будет руководиться компетентными органами Конфедерации.

3. Защита границ Кавказской Конфедерации будет поручена Конфедеральной Армии, образованной из армий конфедерирующихся Республик, и состоящей под единым командованием, подчиненным руководящим органам Конфедерации.

4. Все могущия возникнуть разногласия, которые невозможно разрешить путем непосредственных переговоров должны будут передаваться на обязательный арбитраж или Верховному Суду Конфедерации.

Конфедерирующиеся Республики обязуются признать вынесенные решения без ограничений.

5. Комиссия экспертов приступит в ближайшем будущем к выработке проекта Конституции Кавказской Конфедерации, считаясь с вышеизложенными принципами.

Этот проект ляжет в основание первого Учредительного Собрания каждой из Республик.

6. В этом Пакте сохраняется место для Республики Армения.

Этот документ вызывает критическое к себе отношение с двух точек зрения. С точки зрения редакционной, во первых, и по существу, во вторых.

Что касается формы, мы вынуждены быть безжалостными.

Абсолютно неприемлемо в документе, претендующем на столь важное значение допускать ошибки, свидетельствующие о прискорбном отсутствии у лиц его составлявших серьезного юридического образования.

Что означает прежде всего фраза в стат. 4-й «*tout différend... qui ne saurait être réglé par des négociations directes...?*»

Текст этот как будто свидетельствует, что бывают разногласия, которые по существу своему не допускают полюбовного разрешения, что конечно является совершеннейшим абсурдом. Всякие разногласия, каково бы ни было их содержание, могут быть разрешены в порядке непосредственных переговоров.

Чтобы понять содержание 4-ой статьи надлежит обратиться к многочисленным трактатам арбитража и примирения и в частности к Женевскому соглашению 1928 г. (*Acte général de Genève de 1928*) которым, повидимому, инспирирована эта статья.

В большинстве этих трактатов непосредственные переговоры должны предшествовать арбитражному решению. Лишь в том случае, когда непосредственные попытки соглашения не увенчались успехом, стороны обязуются передать их спор на арбитраж.

Если имелось в виду дать статье 4-ой этот, единственно разумный смысл, то следовало редактировать ее следующим образом: «*Tout différend... qui ne serait pas réglé par des négociations directes devra être soumis à un arbitrage obligatoire...*»

Это замечание приводит нас к постановке и другого вопроса. Зачем была нужна эта странная тавтология: *devra être soumis à un arbitrage obligatoire*. Слово «*devra*» заключает уже в себе смысл обязательности арбитража. Совершенно не к чему придавать ему еще новый эпитет «*obligatoire*». Думают ли авторы, что повторяя дважды одну и ту же вещь они делают ее более очевидной? В юридическом тексте необходимо избегать этих излишних и бесполезных повторений.

Статья 5 содержит две другие редакционные погрешности: «*une commission des experts, procedera.. à l'élaboration d'un projet de la Constitution...*» говорится в тексте.

Юридические документы не вырабатыва-

ются комиссией экспертов. Они обычно составляются комиссией юристов.

Пожелаем по этому случаю, дабы избежать в будущем таких досадных оплошностей, чтобы эта комиссия была составлена из юристов немного более компетентных, чем те которые редактировали разбираемый нами Пакт.

В той же статье, в конце, говорится: «ce projet servira de base aux travaux de la première Assemblée Constitutive de chaque Republique». Очевидно авторы хотели сказать “Ассамбле конституант” и употребили несуществующее выражение “ассамбле конститутив”.

Именно “Ассамбле конституант” — учредительные собрания — в переводе на русский язык, имеют обычно задачей обсуждение и вотирование конституций и других основных государственных актов.

Вот серия ошибок значительно ослабляющих формальную ценность “Пакта Кавказской Конфедерации”.

Недопустимо, повторяю я, опубликовать документ так плохо написанный.

Что касается критики по существу, на этот раз мы ограничимся одним лишь замечанием. Оно касается порядка выработки окончательной Конституции Кавказа.

Согласно статье 5-ой предварительного Пакта проект Конституции, составленный

специальной комиссией юристов, ляжет в основание работ первого учредительного собрания каждой из Кавказских Республик.

Эта процедура нам представляется опасной. Она рискует затянуть до бесконечности предварительную работу и даже повести при конечном голосовании к провалу проекта.

Политические Ассамблеи не являются учреждениями особо квалифицированными для работы подобного рода. Было бы гораздо лучше и практичнее предусмотреть назначение Особого Комитета, составленного из ограниченного числа членов, назначенных правительствами всех Республик. Проект составленный и принятый Комитетом мог бы быть внесен на ратификацию парламентов этих Республик.

Признаемся однако, что вопрос этот в настоящее время имеет чисто теоретическое значение. Прежде чем он будет поставлен практически, может произойти не мало перемен.

Фундаментальное значение имеет 1-ая статья Пакта. В выражениях, требующих тщательного анализа, она определяет компетенцию Конфедерации и входящих в ее состав Республик.

В ближайшем нашем этюде мы перейдем к изучению этой статьи.

Михаил Мухомливили

Август 1934 г.

От Заместителя Председателя Делегации Республики Северного Кавказа

В специальном номере журнала "Прометей" и в общей прессе появилось сообщение о подписании 14 июля с. г. в Брюсселе, так называемого Пакта Кавказской Конфедерации.

Этот "пакт" якобы заключен национальными центрами Азербейджана, Грузии и Сев. Кавказа.

Подписали его со стороны Азербейджана: М. Е. Расул - Заде, быв. Председатель Азербейджанского Национального Собрания и Председатель Национального Центра Азербейджана и А. М. Топчибаши, Председатель Азербейджанской Национальной Делегации и быв. Председатель Азербейджанского Парламента.

Со стороны Грузии: Н. Жордания, быв. Президент Грузинской Республики и Председатель Национального Центра Грузии и А. Чхенкели, быв. Полномочный Министр Грузии во Франции.

Со стороны Сев. Кавказа гг. Г. Сунц, И. Чулик и Т. Шагман (без обозначения титулов).

Всем, кто хотя бы самым поверхностным образом знаком с событиями, имевшими место на Кавказе за период с 1917 по 1921 год и с историей независимых Кавказских Республик, отлично известно, что идея создания Кавказской Конфедерации принадлежит политической инициативе ответственных представителей Северного Кавказа.

Впервые эта идея была поставлена ими на практическое обсуждение Национальных Советов Азербейджана, Грузии и Армении в Баку и Тифлисе еще в марте 1918 года.

1 апреля того же года Делегация Сев. Кавказа на Трапезундской мирной Конферен-

ции точно и ясно формулировала свою точку зрения на этот вопрос в специальном меморандуме представленном делегациям Оттоманской Империи и Закавказского Сейма.

В июле того же года, когда в процессе работ Батумской мирной Конференции Азербейджан, Армения и Грузия провозгласили свою независимость, полномочные представители Республики Северного Кавказа немедленно сделали представление правительствам вновь образованных Республик о срочной необходимости в высших интересах всех Кавказских народов, немедленно осуществить политическое объединение Кавказа в форме Конфедерации.

То же самое обращение неоднократно повторялось квалифицированными представителями Республики Сев. Кавказа и в последствии, как в период независимого существования Кавказских Республик так и после их разгрома, в эмиграции...

К сожалению все эти повторные и настойчивые попытки направленные к созданию Кавказского единства неизменно разбивались об не менее упорную явную и тайную оппозицию тех самых закавказских политических течений и групп, представители которых подписали ныне в Брюсселе так называемый "Пакт" Кавказской Конфедерации.

Несмотря на юридическую безграмотность и политическое ничтожество опубликованного документа — мы были бы счастливы приветствовать этот акт, как шаг свидетельствующий о благоприятном сдвиге в умонастроении тех политических кругов Закавказья, которые несут перед историей тяжелую ответственность за то что своей преступной политикой, помешавшей своевремен-

ному объединению Кавказа, способствовали новому его порабощению Россией.

К глубокому нашему прискорбию мы вынуждены однако констатировать, что этот документ, продиктованный повидимому соображениями оппортунистического порядка, в части касающейся Сев. Кавказа, является грубой политической подделкой.

“Национальный Центр Сев. Кавказа”, фигурирующий в “пакте” в качестве договаривающейся стороны — учреждение вымыш-

ленное и лица подписавшие его, по прошлой их деятельности и печальной их роли в нашем национальном движении, являются людьми менее всего квалифицированными для представительства национальных интересов Сев. Кавказа.

Гайдар Баммат

Заместитель Председателя Национальной Делегации, быв. Министр Иностранных Дел

Обзор печати

В грузинской газете “Тетри Гиорги” проф. М. Церетели поместил ряд чрезвычайно интересных статей, под общим заглавием “Для нашего единения”, в которых, вопросы Кавказской Конфедерации толкуются широко и всесторонне. Тщательно отмечая все трудности сложной конфедеративной проблемы, расовые, культурные и религиозные различия кавказских народов, автор призывает не скрывать их, ради легкости, и сознательно понимать их сложность, ибо только это может облегчить выполнение огромной задачи. Одним из числа этих трудных вопросов он считает территориальный вопрос.

“Нет надобности, говорит проф. Церетели, по “экономическим соображениям” и по подобным аргументам таскать друг у друга территории, тем более, что наше желание есть создать конфедерацию, союз народов, а не конкурирующие между собою государства. Нечего говорить, что каждый народ должен остаться суверенным в своих внутренних делах, но в силу конфедеративной конституции, национальные меньшинства будут обеспечены в правах вполне и всесторонне. У нас же поми-

мо этого территориального спора других неразрешимых вопросов нет, если желание создать политический союз кавказских народов станет действительно нашей верой. Если нашему идеалу суждено осуществиться, тогда и станет только возможным, разрешить вопрос кавказских этнических групп, армянской и других, оставшихся вне Кавказа. Ибо Кавказ будет значительным государством и у него будет возможность не только защищать кавказцев за Кавказом, но и устраивать их на родине.

Укрепление такой политической веры уже началось среди истинных патриотов Кавказа. Издающийся в Париже журнал “Кавказ” является их знаменосцем и мы уверены, что его руководители сыграют большую роль в разрешении политической судьбы Кавказа”.

Вся грузинская эмигрантская пресса отметила десятилетие августовского восстания Грузии, но конечно каждое издание по своему. Социал - демократическая газета “Брдо-

лис-Хма” напечатала прокламацию к “товарищам крестьянам и рабочим, нашей страны”, с обязательным в начале: “пролетарии всех стран соединяйтесь” и “Да здравствует социализм” — в конце.

Гораздо интереснее мнение других органов.

В журнале бывших “социал - демократов” молодого поколения “Орнати” И. Манцкава пишет:

“Завоевание Россией в 1921 г. первой Грузинской республики было колоссальным для нас ударом, а не поражением. Это был шок неслыханный, тяжелый, непоправимый. Наша история и поколения будущего не простят тогдашним правителям Грузии, беспечность, безголовье и трусость, которые они высказали в деле организации обороны страны. Наше государство было завоевано так, что мы не успели проявить даже жертвенности. Мы должны были отдать тысячи жизней и отдали только еле сотни... А кто скажет, что правительство, в деле борьбы против вражеского нашествия, не пользовалось доверием страны, что большинство нации в этом вопросе не шло за ним?! Что же было использовано из всего этого? Когда страну завладели враги, Грузины

спрашивали себя: что случилось? Откуда такое поражение? Грузины не чувствовали себя разбитыми и это обстоятельство вскормило месть, создавало настроение ударить и вновь сразиться. Одним из основных стимулов поднявших народ на восстание было это”...

Орган грузинских националистов “Кидэ” пишет:

“Грузия августовского восстания, это борющаяся, единая, историческим духом движимая и самосознанием просветленная Грузия. Ее цель — свободное, национальное, на грузинской культуре и традиции построенное государство. Ее враг — отрицающий нацию, историю, национальную культуру и национальную душу — марксизм, опирающийся сегодня на чужеземную силу, на чужеземный штык. Душа грузинского меншевиизма и ее политическая культура находятся во вражеском стане, ибо, по сю сторону, в грузинском народе горит другая душа. Августовская Грузия с его ликом, характером, идеалом и ценностью — старая Грузия, дела августа — вся история Грузии...”

Письмо в редакцию

Многоуважаемый
г. Редактор!

В Польше сейчас происходит Съезд Заграничных поляков. На одном из его заседаний один из депутатов познакомил нас с журналом “Кавказ”.

С истинным восхищением читали мы статьи г. Гайдара Баммата, статьи полные патриотизма, о героической борьбе Кавказа за политическую независимость.

Однако большим диссонансом и компрометирующим обстоятельством является ваш спор на чужбине. Спор между двумя кавказскими течениями дискредитирует всех Кавказцев.

Неохотно и даже со стыдом мы должны признать, что Вы не умеете скрыть Ваши внутренние споры. Это обстоятельство удручает очень многих от подписки на этот журнал, когда видишь, что нет у Вас солидар

ности и национального самолюбия перед лицом иностранцев.

Жаль, что после того, как мы заинтересовались Вашим журналом, этот интерес потом во корне исчез.

Мы однако надеемся, что под руковод-

ством г. Гайдара Баммата журнал пойдет по более серьезной дороге.

С почтением

Председатель *Калиновский*

Варшава, 9 августа.

Несколько слов „Истиклалцам“

Выходящая в Берлине газета „Истиклал“ пытаясь устроить некоторую демагогию вокруг моей статьи „Немного истории“ помещенной в № 5 „Кавказа“. В двух своих номерах и под тремя разными подписями орган г. Расул-Задэ „комментирует“ по своему эту статью.

В одной из этих статей, где автор ее делит теперь уже самую партию „Мусават“ на людей „тюркской“ идеологии и культуры и на таковых „русской“ школы и культуры, отнесся „истиклалцев“ к первой категории, а остальных своих экс-коллег с 17 летним совместным стажем, к последней, вспоминает, кстати, и меня, не имевшего чести ни принадлежать к этой „партии“, ни удовольствия знать самого автора, и повествует „кому следует“ о том, что, мол, „такой-то тоже до некоторой степени человек русской школы и культуры“. И в „доказательство“ своего заявления, с „ужасающим“ видом, сообщает текстуально следующее:

„В своей статье он, т. е. Ваш покорный слуга, пишет о том, что в эпоху национально-го правительства, азербайджанцы относились с уважением к русской культуре, к русскому языку, к русской церкви; не довольствуясь этим, он пророчествует, что русские встретят такое же отношение и в будущем“.

Другой из истиклалеских „критиков“ сообщает о том же и делая еще более скандализованный вид из за эпитета „набожный“, дан-

ного мной нашему народу, („это Джейхун бей утверждает, что азербайджанский народ *е высшей с епени (!) набожный!*“), мобилизует даже представителя ненавистной ему русской литературы дабы „доказать“, что я являюсь апологетом „русского кнута“, руссизма и пр. И изрыгая громы и молнии по адресу русского народа и культуры, он выводит уже готовую мораль: люди „льстящие русским“ не могут быть сторонниками самостоятельного Азербайджана и прочая и прочая... Словом та же шарманка: если и есть в Азербайджане патриоты, то вы догадываетесь где. Все же остальные не патриоты.

Мы действительно должны признать, что в понимании патриотизма между нами и ими безусловно есть разница: мы, например, не афишируем при каждом удобном и неудобном случае наш „радикализм“, „демократизм“ и „либерализм“ и борьбу вводимую нами против русского империализма не со вчерашнего дня, не сводим к площадной ругани и неумному бахвальству в стиле „шапками закидаем“ — и отказываемся понимать почему это напоминание об известном периоде времени в истории *самостоятельного* Азербайджана, где отмечается известный факт служащий *к чести нашего народа*, должно рассматриваться как апология *русского* владычества и как отнекивание от „тюркизма“, это секрет той своеобразной „логики“ каковая является продуктом их специфической психологии. Ведь

демагогия и та должна иметь хоть некоторое подобие основания.

Перейдем, впрочем, к тем *принципиальным* пунктам, которые являются “гвоздем” этого “благоуханного” выступления истиклалцев и ограничимся несколькими краткими замечаниями.

1. Относительно “лести”, истиклалцы, должно быть, меряющие всех на свой аршин, должны лучше чем кто либо знать, что русские фонды на международном валютном рынке сейчас *не* котируются.

2. Возбуждая новый сюжет деления азербайджанских деятелей на людей “русской школы и культуры” и “тюркистов”, истиклалцы должны были бы постесняться если не живых, то хоть памяти тех государственных людей Азербайджана, принадлежность которых к той же “русской школе”, не помешала врагу сразить в них первейших азербайджанских патриотов.

3. Если среди азербайджанцев “русской школы” найдется когда-нибудь человек нуждающийся в уроках национальной культуры, то не думаем, чтобы он обратился к помощи “истиклалцев” — образчик этой культуры, называемой ими “национальной” и которым они демонстрируют в отношении старого общественного и политического деятеля, пострадавшего лично и семейственно в качестве азербайджанского патриота (статья в № 63), да и все их журналистические “перлы” этих последних месяцев, могут повергнуть ученика в большой скептицизм.

4. Если бы патриотизм истиклалцев на-

шел бы в свое время более полезное применение чем сейчас, то вероятно, мы занимались бы сейчас у себя на родине более полезным делом, чем настоящая полемика. Сказать и то, что патриотизм, который истиклалцы имеют чудовищную тенденцию монополизировать благодаря некоторым ненормальным обстоятельствам, может пониматься разно: например, азербайджанцы “русской культуры”, не кричащие на улице о своем патриотизме, конечно не решились бы ради защиты самих себя бросить так легко тень на весь наш народ, как это делают истиклалцы... Пусть они внимательно прочтут что пишут (№ 62)...

Мы знаем чем объяснить эту наивную демагогию: другой “критик” “Истиклала” раскрывает скобки, торжествуя восклицая после передачи своими словами “содержания” моей статьи: “Вот какой человек протезирует и защищает людей, которые раскалывают “Мусават!”

Намек на наше выступление осуждающее *форму* борьбы практикуемой г. Расул-Заде по отношению к своим оппонентам, без того, чтобы мы коснулись самого содержания конфликта, да и не его одного.

Вероятно, этот шустрый истиклалец полагает, что самый факт принадлежности к “Мусавату” и даже не к “Мусавату”, а к определенной его группе, дает счастливому кандидату не только индульгенцию от всяких грехов, но и печать вечной непогрешимости. Смутная, больная психология!

Дж. Г.

В следующем номере “Кавказа” будет дана подробная оценка “пакта” Кавказской Конфедерации и помещены полученные редакцией, по поводу его опубликования, от различных кавказских организаций и групп сообщения и отзывы.

ХРОНИКА

“Ленинская национальная политика” на практике.

В *Правде* от 17 июля читаем:

“Из станицы Стенная, Кувшевского района, с жалобой на имя крайисполкома приехал Иба Мамет-оглы, но он не мог никому вручить жалобу, так как никто в крайисполкоме не мог разобрать турецкий текст заявления. Жалобу он написал 3 февраля и только в июне она была рассмотрена”.

Происходит это в новом АзовоЧерноморском крае, где, при наличии 6 национальных районов и 89 национальных сельсоветов, не имеется отдела по работе среди национальностей, иначе говоря, все делопроизводство ведется на русском языке.

Как русские чиновники относятся к “нацменам”, видно из следующего факта:

“Над лезгином - рабкором, Глей Баразинным и его женой долго издевались соседи по квартире — Воронов и Окорков; Баразин разоблачил Воронова как бывшего крупного домовладельца и Окоркова — как растратчика. При расследовании все эти факты подтвердились, но прокурор Андреевского района, Лебед, квалифицировал этот случай, как обычное хулиганство, не поняв его политического значения”.

А вот умилительная картина интернационалистической идиллии:

“На табачной фабрике им. Розы Люксембург одной мусульманке насильно мазали губы салом (вероятно свиным). По приказу заведующего баней № 1, в баню не допускали армянок”.

Такой градации не бывало даже в царской России.

— Азеркино закончило съёмку нового фильма, “Исмет” на тему об эмансипации азербайджанской

женщине. Сюжетом служит жизнь Лейла Ханум Мамедбековой, первой азербайджанки-пилота.

— 30 июля, при стечении большой “значной” публики состоялось торжественное открытие “Рионгеса” — иначе говоря, Рионской гидроэлектрической станции, осуществленной работой местных (грузинских и армянских) инженеров.

В Азербейджане *начнется* (!) строительство 20 новых заводов и предприятий медной промышленности. 15 предприятий пищевой промышленности. Кондитерская фабрика, ледоделательный завод, завод безалкогольных напитков и пивоваренный завод будут выстроены в Гандже, плодоперерабатывающие заводы в Нахичеванской ССР и Нагорном Карабахе, заводы безалкогольных напитков и ледоделательные заводы в Евлахе, в хлопковых совхозах Кара-Чана и Мильском.

Кроме этого намечено построить завод гончарных изделий в Барде, деревообделочный завод в Гандже, завод скобяных изделий и мастерские восточных инструментов и детских игрушек в Баку.

— Озеленение Баку на которое новые хозяева обращают большое внимание, идет спешным темпом. Сейчас в Баку имеется 7 парков с общей территорией в 95 с полов. гектаров, 17 садов в 86,8 гект., 24 сквера в 25 гект., 2 бульвара и 1 аллея на 17 гектаров. Всего 217 посадок расположенных на площади в 284,5 гектаров. В погоне за “озеленением” большевики превратили в парк нагорное пространство за Чемберекентом, где находилось мусульманское кладбище.

— В Камарлях собираются выстроить

“совхозно - колхозный” театр... Бывает и такой!

Положение на бакинских промыслах

“Заря Востока” от 24 августа горько жалуется, что план переустройства промыслов Азнефти проводится крайне медленно и неудачно.

“Большая аварийность и непроизводительные простои, — пишет газета — лучшее свидетельство, что Азнефть до сих пор не взяла этих высот новой техники нефтяного дела”. Аварий в буровых за 7 месяцев было 83, на ликвидации чего ушло 7,379 часов.

Простои только на третьей группе бурений Ленинского промысла в июле составили 1,642 часа. “На первой группе бурений промысла им. Кагановича (есть оказывается и такой промысел!) из 23 станков 10 систематически простаивают”. На первой группе бурений промысла им. Оржоникидзе (есть и такой!) простои в буровых составили в июле 2,700 часов.

Газета настаивает, что бы Азнефть, для бурений, брала бы “американские темпы”, тем более, что Закрайком ВКП обязал ее в сентябре ввести из бурений в эксплуатацию 91 буровую, а в 4-ом квартале — 179 скважин. Помимо этого, 165 скважин должно быть начато проходкой в том же 4-ом квартале.

Большевики особенно сильно нуждаются сейчас в жидком топливе для того, чтобы обеспечить спрос их “заводов гигантов” (т. е. работающих на военные потребности) и “авиационную промышленность”.

* * *

— Ливни, пронесшиеся за последние дни

августа в разных местах Закавказья, причинили много бед. В Грузии уничтож. 27.000 гектаров посевов; в Абхазии пострадали посевы табака; в Сухуме разрушен водопровод, снесено 22 дома. В Азербайджане погибло 6,000 га посевов, в Армении — 8,000; Караглинский химкомбинат основательно поврежден. Убытки причиненные по всему Закавказью исчисляются в 19 миллионов рублей, из которых 15 миллионов приходится на одну Грузию.

* * *

— По новому плану, составляемому муниципалитетом Ганджи, город расширяется на 4,000 гектаров, при чем вся заводская часть включается в город, Разрабатывается проект нового моста через Ганджи-чай, а также устройство канализации.

* * *

— По случаю предстоящего празднования тысячелетнего юбилея рождения знаменитого персидского поэта Фирдуси, автора “Шах-Наме”, в Азербайджане готовится специальная выставка, которая будет иметь свыше 1.000 экспонатов. В сентябре выйдет художественное издание “Шах-Наме” на турецком языке. Художники Азербайджана отразили юбилей Фирдуси в ряде картин; большой портрет поэта будет написан художником Мустафаевым. На выставке будет представлено 12 рукописей “Шах-Наме”, среди них — 16, 17 и 18 веков, а также персидские и индийские литографированные издания.

* * *

— В Армении 135 школ не имеют директоров, а в Азербайджане, из 184 объектов школьного строительства готовы лишь 30.

Сведения эти относятся к августу, а в сентябре, как известно, начинаются учебные занятия.

* * *

Кавказцы в составе правления союза советских писателей СССР.

Во вновь выбранный съездом состав правления Союза советских писателей, в числе 101, Кавказ представлен 12-ю представителями, распределяющимися следующим образом: Азербейджан — 3 (Алекберли, М. К., Вургун, С. и Джабарли Д.), Армения — 3 (Алазан, Симонян, Д. А. и Ширван-Заде А.), Грузия — 4 (Джавахашивили, М. С. Торошелдзе, М. Г. Эули, С. и Яшвили П., Дагестан

— 1 (Астемиров Б. Д., “Закавказье” — 1 (Акопьян Акоп).

Кроме того три кавказца, а именно Айсханов (Чечня), Чанба (Абхазия) и Чубар (?) (Азербейджан) избраны в ревизионную комиссию, состоящую из 20 человек.

Из других “национальных” республик, Украина представлена в правлении и ревизионной комиссии 8-ю, Белоруссия — 5, Таджикистан — 1, (есть еще известный пролетарский поэт Лахути, персиянин, “натурализованный” таджик, но его имя красуется в общем списке), Туркменистан — 2, Узбекистан — 3, Казакстан — 2, Киргизия — 1, Татария — 1, Бурято - Монголия — 1 Якутия — 1, Немцы Повольжья — 1, Карелия — 1, Чувашия — 1, Башкирия — 1.

Библиография

Шамиль во французской лиетартуре

Принято считать, что герои Кавказа и в частности прославленный герой борьбы за его независимость Шамиль остались неизвестными для европейской литературы. Взгляд этот ошибочный. Достаточно посмотреть на литературу Франции. Шамиль воспевался многими путешественниками, которые не скупилась на восторги, каждый его успех отмечался и комментировался в печати, — войны его напоминали французам времена Крестовых походов. Среди разных писателей отметим драматурга Поля Мериса, который написал драму в прозе “Шамиль” в пяти актах и девяти картинах, первое представление которой имело место в Париже в театре Порт-Сэн-Мартэн 26 июня 1854 года, т. е. в момент самого расцвета героической борьбы против атакующих беспощадных русских полчищ.

Первый акт разыгрывается в Тифлисе в 1834 году, когда Шамиль взял в свои руки бразды

правления и сделался верховным вождем своего народа в борьбе с Россией. — Везде ищут Шамиля, русские войска тщетно обыскивают долины и горы, — появляется женщина по имени Эскам и говорит с подъемом:

“Верьте мне, оставьте в покое этих горцев, этот маленький доблестный, гордый и великодушный народ, народ, раса которого одновременно и молода и стара. Они вам ничего не сделали, они вас не теснят и не провоцируют... Оставьте орла и льва в покое в его горах”...

К общему удивлению появляется сам герой кавказский, вернувшийся с “охоты”. Губернатор Грузии с недоверием допрашивает его и Шамиль объясняет: — “Да, Ваше Превосходительство! Разве вы мне не верите? Доказательством слова является поступок; доказательством охоты — дичь”. Во втором действии один из черкесских вождей по имени Джантемир объявляет своим окружающим состоящим из офицеров, врачей

и женщин, что неприятель занял местность Тарси.

— “Невозможно их обстреливать! Они находятся в безопасности за этими скалами и смогут нас атаковать раньше чем мы считаем до тысячи!”

Русские до того многочислены, что народ начинает думать что только чудо, вмешательство небесных сил может ему помочь. В эту минуту появляется центральная фигура пьесы — Шамиль и говорит:

— “Небо, это убежище мертвых, для живых — это земля родины... Как нежная мать, она открывает пристанище своей груди, чтобы спрятать и оградить своих детей... Я враг всех тех, кто нарушает покой моих скал, моих лесов, моей пустыни!... Мы находимся в стране Прометея: можно вести войну успешную в этих горах... Войну Титанов!”

Третье действие — народное празднество устроенное русскими в честь новых союзников — горцев Адигэ. В этом месте автор пьесы, тонкий психолог, заставляет своих героев произносить в пол-голоса: “Люблю бороться с препятствиями, преодолевая интриги — наступать на врага — и еще люблю причинять страх опасности!” Хоровое пение, пляски, верховья состязания, чередуясь, оживляют развитие драмы. Оживленный диалог завязывается между Гамзатом, вождем, и его сыном Аддила. Разговор идет о мире с Россией, “искреннем” и длительном, но Аддила этому противится: “Друзья мои! Покровительство России — означает рабство горцев!” — Шамиль его поддерживает и говорит: “Дагестан в войне против России! Давид против Голиафа... Настнет день когд Европа, прислушавшись к шуму нашей отдаленной перестрелки, несомненно скажет: “Там поистине происходят великия события!”

Шамиль и Джантемир бросают клич к новой борьбе: “Подымайтесь! Кто любит родину за нами!”

Акт четвертый. Ахульго. Молятся об упокоении души молодого Аддила, павшего в горах от руки неприятеля. Убежище Шамиля продолжает оставаться неприкосновенным для врага. На него смотрят теперь, как на настоящего пророка, посланцы неба, призванного спасти подвластные ему народы от опасностей вражеского нашествия. К Шамилю приходят возвестить единодушное постановление “Собрания мюридов” о том, что он назван Имамом. Но он сам несколько не прельщается славой и властью, его мечта, его желание — это доказать свою отрешенность от личных благ.

Действие четвертое опять в Тифлисе. Шамиль в ссылке. Окруженный со всех сторон неприятелем он принужден был сдаться. Он в трауре по матери и брату. Как израненный орел, он скорбит горестно: “Роль моя закончена в этом мире. Страна моя свободна — а семья моя вымерла. Я триумфатор — но я одинок. Нечего больше делать, некого больше любить... Мать моя умирая благословила меня Имамом. Пускай Бог в свою очередь изречет свой суд надо мною и над моим народом! Да благословит он меня или изничтожит!”

Этот лев в неволе — предмет восхищения молодой Надежды, дочери губернатора Грузии. Шамиль подвергается нападению, она бросается между героем и часовыми. Начинается стрельба, во время которой он ранен, а она убита... Шамиль оказывает ей первую помощь, говоря: “Нет у меня более ни брата, ни матери, ни любви!”

В последней картине — крепость Редут-Калэ, омываемая Черным морем. Англо-французские фрегаты пристают к живописным берегам. Шамиль, верхом, окруженный местными властями, выезжает им навстречу. Происходит обмен приветствиями, дружеская встреча и Шамиль делает заключительное до падения занавеса заявление: “Солдаты стран свободомыслия! Я вас поджидал. Вот уж двадцать лет, как я поддерживаю искорку, которую вы разовьете в пожар...”

Восток протягивает руку Западу для этой войны народов. Идем сражаться бок о бок, рассеем мрак светом, зиму — лучем солнца, заменим варварство свободой и правосудием!”

Мы передали вкратце содержание этой мало известной, но популярной в свое время французской пьесы. В ней не мало идей и оригинальной красочности. Было бы очень желательно чтобы тот же самый или другой из театров Парижа возобновил ее в настоящее время. Этому заслуживают, как Шамиль, так и Кавказ — друг Франции.

(См. о Шамиле следующих французских авторов:

G. Bernier, Mare Fournier, Ed. Dulau-gier, G. Depping, E. Muller, etc.

Ш. Беридзе

Давид Вачнадзе. Проблема Кавказа.

(Изд. Хеладзе. Париж. Цена 5 фр. Склад издания “Дом книги”, 9, рю де л’Еперон, Париж, 6.)

“В единении — сила” — все тот-же великий лозунг можно было-бы поставить эпиграфом интересной и содержательной брошюры Давида Вачнадзе — доклада, прочитанного им в Париже, на одном из собраний “Серкль де-з-Етюд Коказьен”. Побольше бы нам таких разумных слов, таких брошюр и докладов в нашей партийной и национально разобщенной среде. Руководящей нитью проходит глубоко сознательное убеждение автора в том, что трагедия кавказских народов целиком об’ясняется их взаимной рознью — эту основную мысль, как известно, выдвигает все время и наш журнал. В кратком, но четком изложении автор обосновывает свое убеждение исторически — от далеких эпох древности и до наших дней. Он ссылается на исторические факты и документы, вспоминает деятель-

ность наиболее славных вождей, приводя свидетельства и слова выдающихся общественных деятелей прошлого, звучащие по-истине пророчески. Чрезвычайно интересна в этом отношении ссылка на статью известного деятеля и публициста Грузии Нико Николадзе, напечатанную в журнале “Моамбе” еще в 1895 году, — не без иронии можно сопоставить ее с далее приведенными из статей и речей таких “разобщителей” единого Кавказа, как напр. Ной Жордания, который считал уместным официально твердить о своем предпочтении “империалистов Запада — фанатикам Востока”. Попадают, конечно, в брошюре и кой какие неточности и недоговоренности; в частности, досадно отметить, что автор говорит об отсутствии в общей работе представителей кавказских горцев в трудные послевоенные минуты разобщенных “ориентаций”. Автор достаточно компетентен в трактуемой им “Проблеме Кавказа”, чтобы найти соответствующий документальный материал для выяснения тех пунктов, где память ему, повидимому, изменяет. Делегация Сев. Кавказа, как должно быть известно Д. Вачнадзе, конкретно поставила вопрос о Кавказской Конфедерации еще на Трапезундской Конференции в ноте от 1 апреля 1918 г. адресованной делегациям Оттаманской Империи и Закавказского Сейма. Ответственные представители Сев. Кавказа и впоследствии неоднократно, но, увы, безуспешно, обращались с тем же предложением к правительствам Закавказских республик. Сведения об этом были опубликованы Гайдаром Бамматом в его книжках “Ле проблем дю Коказ” и “Ле Коказ е ля Революсьон Рюс”.

Но повторяем — брошюра Давида Вачнадзе, в общем, содержательна, интересна и проникнута здравым пониманием исторически создавшегося на Кавказе положения.

К. В.